

Н.Б. ШИПУЛИНА
(Волгоград)

**РЕАЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ
В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ:
ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ И
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В 2003 г. в серии «Тела мысли» вышла оригинальная, невероятно эвристическая и футурологическая книга «Проективный философский словарь: новые термины и понятия» под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Эвристичность и научная ценность ее, на наш взгляд, состояли в том, что философы взяли на себя смелость придать терминологический статус научным метафорам, концептуализировать едва намечившиеся понятийные области и проблемные поля в современном социально-гуманитарном знании, ввести и легитимизировать некий универсальный адекватный инструментарий философствования по поводу актуальных явлений и процессов, отражающих современное состояние человека и общества.

Одной из таких терминологических находок «Проективного философского словаря» стало понятие «реалогия», которое М.Н. Эпштейн ввел в философский дискурс для обозначения, по нашему мнению, очень существенной, важной методологической тенденции в современных науках о культуре. «Реалогия – наука о вещах, о вещественном, которая имеет своим предметом такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или к эстетическим признакам произведения... Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают» [2, с. 346].

Еще в середине 1980-х гг. М. Эпштейн в статье «Реалогия – наука о вещах» впервые призвал сделать главным методологическим фокусом личностную, «лирическую» сущность вещи. «Вся человеческая жизнь в значительной мере откладывается в вещах как своеобразных геологических напластованиях, по

которым можно проследить смену возрастов, вкусов, привязанностей, увлечений... Каждая вещь включена в магнитное поле человеческой жизни, заряжена ее смыслом, обращена к ее центру... Перед нами встает задача расколдовать вещь, вызволить ее из отрешения и забвения; при этом “домашность” должна раскрыться как культурная категория, знаменующая полную душевно-телесную освоенность вещи, приобщенность ее к жизни» [6].

Эпштейн называет вещный мир Лирическим музеем, или Мемориалом вещей – местом памяти самой культуры и конкретных субъектов культуротворчества. При этом он настаивает на разведении понятий «предмет» и «вещь». Вещь выступает не как объект какого-либо воздействия, но как принадлежность субъекта, «своя» для кого-либо. «Изделия», «товары», «раритеты», «экспонаты» – это, в сущности, разные виды предметов: предметы производства и потребления, купли и продажи, собирания и созерцания. «Между предметом и вещью примерно такое же соотношение, как между индивидуальностью и личностью: первое – лишь возможность или “субстрат” второго. Предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения, подобно тому, как индивидуальность превращается в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития» [5, с. 302 – 324].

В таком смысле реалогия – это не «вещеведение», а способ философствования по поводу организации, структурирования человеком своего бытия через вещи и повседневные практики. По сути, это вещественная антропология культуры, пылливо исследующая все модусы и ипостаси человеческого в человеке, пытающаяся постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависимый ни от товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств. Она исследует личные вещи, не вещи «для чего-то», а вещи «что», занимается единичными персональными вещами, т.е. миром оживленных человеческими смыслами предметов реального неповторимого жизненного пространства. При этом одни и те же объекты такого пространства могут быть связаны

с пользой, удовольствием, красотой. Все зависит от того вопроса, который мы адресуем той или иной вещи, и от того, как этот наш смысл, вложенный в вещь, прочитывается и интерпретируется другими людьми, ведь вещи – это имманентная часть культуры, они создаются всегда конкретными людьми, но существуют между ними в так называемой гомосфере, в культуре.

Можно сказать, что этим концептом Эпштейну удалось ухватить не только новое направление в исследованиях культуры философами, культурологами, социологами, антропологами, но и поворот в самой культурной реальности, поскольку «окликнутыми вещью» на рубеже XX – XXI вв. оказались и ощутили себя представители самых разных сфер человеческого творчества. Так, кинооператор Георгий Рерберг, работавший с Андреем Тарковским, назвал свой художественный метод «поэтическим натурализмом» именно потому, что он был основан на «вникновении в вещь», когда мастер наполняет кинокадр вещами, но не обязательно такими, которые скажут об эпохе, а такими, которые заговорят о человеке, персонаже. Та же тенденция к созданию «вещественных» картин, ассамбляжей, инсталляций проявляется в это время в живописи и скульптуре, в других формах искусства.

Существует некая бесконечная связь, диалог между вещью и индивидуальной памятью, хранящей жизнь этой вещи. Вещи, личный мир, закреплённый в них, не мелькают, образуя пустоту в сознании человека, а наполняют его, дают ему пищу для размышления, согревают его. В. Розанов, осмысляя онтологическую природу повседневности, понимал ее «как место, дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает человеческая самость. Именно в нем человек становится причастным миру, преодолевает дистанцию, излечивается от антропоцентрического высокомерия и безразличности» [1, с. 232]. И он совершенно справедливо полагал, что «вечное живет в повседневном, нет непроходимой грани между обычным и сакральным. Даже более того, – вечное дано нам только в повседневном, здесь и теперь в мимолетных событиях, мелочах, “паутинках быта”, в пространстве дома» (Там же, с. 233).

В современной литературе, посвященной исследованию повседневного бытия человека, вещественного мира культуры, в разной степени проявлен тот концептуальный поворот, который был обозначен М. Эпштейном как реалогический. Анализ вышедшей в по-

следнее десятилетие отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить несколько основных принципиальных направлений и подходов к изучению и концептуализации вещественных модусов культуры.

Ряд современных исследований является явным и последовательным продолжением исторической школы изучения повседневной культуры в духе «Новой исторической школы» или школы «Анналов», реабилитировавшей тему повседневности, частной жизни человека еще в начале XX в. Это как обобщающие энциклопедические «истории вещей» (Иванов С.А. 1000 лет озарений. История вещей. М. : СЛОВО/SLOVO, 2002; Мир вещей. Современная энциклопедия. М. : Аванта+, 2003; Лаврова С. Загадки и тайны обычных вещей. М. : Белый город, 2006), так и книги, посвященные скрупулезному анализу «биографий» конкретных отдельных предметов или их типов (Бейкер Ф. Абсент. М. : НЛЮ, 2003; Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М. : НЛЮ, 2006; Локхарт Р.Б. Виски. Шотландский секрет глазами английского шпиона. М. : КоЛибри, 2007; Курлански М. Всеобщая история соли. М.: КоЛибри, 2007; Богданов И. Лекарство от скуки, или История мороженого. М. : НЛЮ, 2007; Богданов И. Unitas, или Краткая история туалета. М. : НЛЮ, 2007 и др.), а также историко-культурные исследования гигиенических, ритуальных, социально-нормативных и других элементов повседневной жизни (Жан-Ноэль Р. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой. М. : НЛЮ, 2006; Килошенко М.И. Психология моды. М. : Изд-во «Оникс», 2006; Рубинов А. История бани. М. : НЛЮ, 2006; Лукан М., Грэй Д. Туризм для декадентов. М. : НЛЮ, 2006; Богданов И. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М. : НЛЮ, 2006; Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М. : НЛЮ, 2006; Маккалоу Д.У. Вечная тайна лабиринта. М. : КоЛибри, 2008; Лиссарраг Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира. М. : НЛЮ, 2008; Ароматы и запахи в культуре : в 2 кн. / сост. О.Б. Вайнштейн М. : НЛЮ, 2010 и др.). Но о каких бы реалиях повседневности ни шла речь, всякий раз исторически достоверный, реальный человек, персона оказывается в центре внимания пытливого исследователя.

Книги серии «Повседневная жизнь человечества» построены на основе синтеза исторического и социально-культурного принципов осмысления повседневности, поскольку исследовательский ракурс задается социальной группой (армия, кельты, отцы-пустынники,

женщины, алхимики, благородное сословие, папский двор, театральная богема, американская семья, британский парламент, Кремль, российский спецназ и т.п.) и историческими рамками, варьируемыми от указания конкретной даты (XIX в.; 1908 – 1917 гг.) до достаточно продолжительного хронологического периода, идентифицируемого по культурному смыслу эпохи (классическая эпоха античной Греции; Средние века; Возрождение; эпоха процветания и «сухого закона»), конкретному событию (например, войне – Троянской, суворовских войн, Великой французской революции и т. п.), парадигмальной личности, именующей собой культурное время (Клеопатры, Александра Македонского, царицы Савской, Шекспира, Екатерины II, Наполеона, Дюма и др.).

Особым жанром в современной литературе о повседневной культуре стала «кулинарная культурология» (Мишель Д. Ватель и рождение гастрономии. С приложением рецептов эпохи Людовика XIV, адаптированных Патриком Рамбуром / пер. с фр. Г. Галкиной. М. : НЛЮ, 2002; Грэй Д. Лукан М. Поваренная книга Декаданса / под ред. А. Мартина, Дж. Флетчера; пер. с англ. Ю.Б. Идлис. М. : НЛЮ, 2004; Костюкович Е. Еда: итальянское счастье. М. : Эксмо, 2006; Генис А. Колобок. Кулинарные путешествия. М. : АСТ: Астрель, 2006; Зауали Л. Исламская кухня. М. : НЛЮ, 2008; Токлас А. Поваренная книга жизни / пер. с англ. М. : ИД «Флюид», 2008. Назарова О., Кобрин К. Путешествие на край тарелки. М. : НЛЮ, 2009 и др.). Такой кулинарный взгляд на повседневную жизнь, с одной стороны, подразумевает исследование технологии приготовления пищи как культурной универсалии, с другой (как говорят: «Бог создал продукты, а дьявол – кулинара») – это серьезное исследование человека на кухне, либо путешествующего по столам и культурам, познающего иные (этнические, конфессиональные, исторические) культурные миры, либо реализующего свое личное и профессиональное достоинство в поварском деле, либо соединяющего свою биографию и судьбу, вплетенную в судьбу эпохи, с испробованным или приготовленным блюдом.

Особое место занимают исследования вещественного бытия человека и культуры с позиций социологии (Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006) и социальной антропологии. К ним можно отнести книгу И. Утехина «Очерки коммунального быта» [4],

написанную по результатам полевого исследования, проведенного осенью 1997 г. и весной 1998 г. в коммунальных квартирах Санкт-Петербурга. Автор «Очерков коммунального быта» исходит из положения, что «к быту относится как раз та часть повседневного, которая напрямую зависит от организации жилища и отношений, в которые человек вступает у себя дома» (Там же, с. 243). В книге воссоздается картина быта как целостная картина мира обитателей коммунальной квартиры. На первом плане стоит семиотика пространства: принципы организации и восприятия пространства частного (коммунальной комнаты) и публичного («мест общего пользования»): кухни и коридора, так называемой «пустой комнаты», парадной и черной лестницы, подъезда и городских окрестностей. Сосуществование людей разного пола и разного возраста ведет к повседневным малым сражениям. Автор детально анализирует стратегии поведения и повседневные практики обитателей, личностную сферу индивида и этикетные нормы общения между людьми, принципы самоорганизации сообщества, авторитет и лидерство, маргинальность и образ «чужого», типологию конфликтов и способы их разрешения, а также специфические формы психопатологии «на кухонной почве». Все это с потрясающей жизненностью звучит в многочисленных интервью опрошенных в ходе полевой работы жильцов 20 петербургских коммунальных квартир.

Книга С. Бойм «Общие места: Мифология повседневной жизни» (М. : НЛЮ, 2002) представляет собой попытку критического анализа мифических представлений, которыми скреплялся повседневный быт России XX в. Темы ее глав – специфические понятия советской культуры: «быт», «мещанство», социально-психологические отношения в коммунальной квартире, питающиеся этим материалом художественные стратегии современной литературы и искусства. Опираясь на современную западную теорию повседневной жизни, С. Бойм написала свою книгу в жанре заинтересованных, темпераментных эссе, включающих личные переживания автора.

Сборник «Люди и вещи в советской и постсоветской культуре» (Ечевская О.Г., Гурова О., Вейс О., Дейхина О., Захарова Ю. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005) включает ряд статей, обобщающих результаты нескольких исследований советского и постсоветского потребления, выполненных на материалах количественных и качественных социоло-

логических исследований, в которых рассматриваются особенности идеологического дискурса о вещах, семиотики вещей и отношения к вещам в советской и современной России, а также структуры потребительских практик и стилей жизни в современном российском обществе (Гурова О. «От бытового аскетизма к культуре вещей: идеология потребления в советском обществе»; «Отношение к вещам в советском обществе. Был ли Homo consumens в СССР?»; «От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе»; Ечевская О. «“Свобода в вещах” или “свобода от вещей”: значения вещей в практиках повседневной жизни»; «Престижная собственность и реальные достижения как признаки социальной успешности в современном российском обществе»; Дейхина Е. «От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России»; Захарова Ю. «Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе»; Вейс О. «Здоровый образ жизни в современном российском обществе: способы понимания и реализации»).

Примечательна книга «Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки» (Новое литературное обозрение, 2005), которая представляет собой перевод одного из недавних, вызвавших бурный и благожелательный отклик в среде западных славистов исследований, посвященных современной истории России. Его автор, американский антрополог Н. Рис, сочетая социологическую и антропологическую компетентность и эмоциональный стиль, описывает повседневную жизнь перестроечной Москвы и других регионов России. Материалом для ее исследования послужил «русский разговор» (то, что сами русские называют «разговоры за жизнь»), спонтанное речевое общение, оформлявшее и одновременно определявшее специфику повседневной жизни россиян рубежа 1980 – 1990-х гг.: те семиотические, символические и социальные системы, которые принято обозначать понятием «культура» и за которыми стоят как навыки добытия товаров в условиях их острого дефицита, так и представления о нравственной норме. Схожие наблюдения делает писательница Дина Рубина, которая в анекдотическом ключе так определяет направление беседы у русских: сначала они ругают правительство, потом выясняют, кто кого уважает, а потом говорят о Боге, тогда как в Израиле сначала ругают пра-

вительство, потом спорят, чья мама лучше готовит, а потом жалуется на болезни [3]. Продуктивна и сама идея Н. Рис исследовать жанры повседневных нарративов, обыденные вербальные практики и тексты культуры (дневники, записные книжки, ежедневники-планеры, частные бытовые записки, путевые заметки и рассказы о путешествиях, спонтанные индивидуальные экскурсии, генеалогические записки и семейные легенды, мемуары, тексты застольных, поздравительных, надгробных речей, спонтанное повседневное творчество (стихи по случаю), личные архивы – тексты и объекты, значимые для индивидуальной биографии и судьбы) для понимания глубинных смыслов частной жизни отдельного человека и общества в целом.

Результатом поиска новых методов исследования повседневности стал проект саратовских социологов «Визуальная антропология» (Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. науч. ст. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов : Науч. кн., 2007; Визуальная антропология. Городские карты памяти. Саратов : Науч. кн., 2009; Визуальная антропология. Настройка оптики. Саратов : Науч. кн., 2009; Визуальная антропология. Режимы видимости при социализме. Саратов : Науч. кн., 2009). Авторы проекта обращаются к методу визуальной антропологии как уникальному способу всмотреться в индивидуальные судьбы людей в мире вещей и повседневности, визуализированные и фиксированные в фото-, видео- и кинодокументах. Визуальные воплощения мужественности и женственности, бедности и несправедливости, нужды и порядка, заботы и контроля в плакате, кинофильме, фотографии и содержательно, и формально связаны с тем временем, когда создаются изображения. Востребованные другими людьми и иными поколениями образы (и запечатленные на них люди и объекты) получают новую жизнь, их культурная биография продолжается, они становятся средствами постижения и конструирования мира, важной частью знания человека о себе по отношению к другим и социальной реальности.

Еще один подход к изучению человеческих смыслов в вещах и повседневности – феноменологическое направление социальной и культурной антропологии (Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность и другие миры опыта. М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д. : Изд. центр «МарТ», 2003; Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. : Канон+,

2004; Марков Б.В. Культура повседневности. СПб. : Питер, 2008; Корнев В.В. Система вещей в антропологической перспективе. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010). Авторы рассматривают многообразие повседневного опыта человека, противопоставляя ему другие миры опыта (игру, свободу, любовь, приключение, праздник, творчество, власть, труд, трансцендентное), выделяя зоны, уровни, элементы повседневной жизни (маргинальную, богеменную, элитарную зоны; приватные, коммунальные, публичные пространства повседневности; телесность, здоровье, болезнь, обыденный язык, коммуникация, знание как формы повседневного существования), определяя иерархию смыслов вещей в повседневности личности (витальные, экзистенциальные, социальные, духовные), артикулируя их основные функциональные значения (эстетическое, сигнификативное, социализирующее, коммуникативное, гедонистическое, семиотическое, идеологическое, актуализирующее и др.).

Особое место в феноменологических и психологических исследованиях повседневного опыта занимают книги, посвященные такому антропологическому модусу индивидуального бытия человека в культуре, как возраст. Повседневность является исключительной культурной формой, в которой бытийствует личность времяящаяся. Полагаем, что вещи и способы их организации в сфере повседневной жизни существенным образом связаны с возрастными периодами человеческого существования. Специфическим атрибутом повседневной культуры детства являются куклы, игрушки (Куклы мира. М. : Аванта+, 2003; Горалик Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. М. : НЛО, 2005; Сальникова А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М. : НЛО, 2011) как своеобразные социокультурные модели. Существуют повседневные вещи и практики, которые свойственны только детству (Осориана М.В. Секретный мир детства в пространстве мира взрослых. СПб., 2008; Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600 – 1900. М. : НЛО, 2009). Например, закапывание «секретиков», детские тайники, немислимые сокровищницы с фантиками от конфет, фольгой, цветными стеклышками. Или такое детское таинство, как похороны животных, когда дети находят умершую птичку или жука, укладывают его в коробку и отработывают в подробностях взрослый ритуал погребения, причем не только как лишние нравственного и мистического содержа-

ния действия, но как целостное действие, связанное с гореванием, скорбью, памятованием умершего существа. Здесь наиболее ярко видно, как реалогическая культурная форма как бы подтягивает за собой незримую, невещественную, как через практики и вещи усваивается сложное духовное содержание культуры.

В современных российских исследованиях ярко представлено семиотическое направление изучения вещей и повседневности, основы которого были заложены еще в советской гуманитаристике Ю. М. Лотманом, Г.С. Кнабе (Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей (Философически-семиотические заметки по пустякам). М. : НЛО, 2008; Махлина С. Семиотика культуры повседневности. СПб. : Алетейя, 2009 и др.). Объектами таких исследований оказываются курительная трубка, шнурки, уют, мебель и другие бесчисленные предметы, обладающие некой универсально-культурной семантикой, вполне доступной для дешифровки и интерпретации. О такой устойчивой семиотической традиции исследования мира вещей свидетельствует также обилие выходящих в настоящее время российских и зарубежных справочников и словарей символов.

На наш взгляд, как в современных науках о культуре, так и в самой культурной реальности сейчас происходит смена парадигм: от эстетической и семиотической – к реалогической и персонологической. Вещь – феномен единичного существования, но не сама по себе как товар, технологически, функционально, ритуально или эстетически ценный для общества, для всех, а вещь чья-то, значимая лишь в ее связи с индивидуальной частной жизнью, биографически заданная судьбой отдельного человека. Вещи бытийствуют не сами по себе и не в своих коллективно-надличностных формах, а как элементы или формы осуществления бытия индивида, развертываются в его индивидуальном мышлении, опыте, творчестве. Они как элементы интимного, личного бытия не могут быть стандартизированы, сведены к всеобщим, внеличностным, интерсубъективным смыслам в эстетической и семиотической парадигмах их исследования. Неустрашимый человеческий, точнее, личностный фактор ориентирует современное знание о культуре в сторону индивидуального, субъективного принципа понимания уникальных и неповторимых смыслов вещей.

Убедительным, на наш взгляд, будет обращение к эволюции творчества известного

итальянского писателя и культуролога У. Эко. Ранние его литературные произведения, например, роман «Имя Розы», более поздние издательские проекты, например, «История красоты» и «История уродства» представляются яркими иллюстрациями первой – эстетико-семиотической парадигмы.

В одной из последних своих книг У. Эко (Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов / пер. с итал. М. : СЛОВО/SLOVO, 2009) рассматривает стремление культуры к упорядочению. Именно из стремления «привести все в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают списки, перечни, каталоги, описания коллекций, которые красной нитью проходят через всю историю западного искусства и литературы. По сути, итальянский писатель и культуролог утверждает и иллюстрирует структурирующую и каталогизирующую сущность культуры. Однако все эти списки обладают слишком крупным масштабом относительно возможности быть интерпретированными на всеобщем, универсально-культурном уровне. Однако не только сущностью общечеловеческой культуры, но и смыслом индивидуального существования является борьба с пустотой и неупорядоченностью, заполнение «ненужного простора» вещами, идеями, словами, смыслами. Поэтому, как нам думается, весьма показательным завершение тематической и концептуальной эволюции творчества У. Эко от всеобщего к индивидуальному в понимании вещей и повседневности. Этому посвящен один из последних его романов «Таинственное пламя царицы Лоаны». Суть повествования сводится к тому, что нельзя восстановить личную биографическую память (которую из-за повреждения мозга теряет главный герой книги шестидесятилетний торговец антикварными книгами Джамбаттиста Бодони, при этом сохраняется его так называемая «бумажная», общекультурная память), не пройдя кропотливого и долгого пути от общечеловеческих смыслов культуры, через свое поколение, его прецедентные тексты, символы, вещи, внятные малому кругу людей, и, наконец, к самому себе, только к себе, вне связи со всеобщим, когда вещи – не маркеры эпохи, общественных реалий (чего-либо), а маркеры отдельной личности (кого-либо). Даже не знак, а онтологически часть кого-либо, как рука или нога. Поэтому текст (общекультурные символы и значения вещей) и даже контекст (эпоха, сообще-

ство) не так важны, как неуловимый и часто невыразимый индивидуальный смысл вещей, принципиально невозможный для декодирования и интерпретации на уровне универсального языка культуры.

Литература

1. Наливайко И.М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М. : Акад. проект, РИК, 2005. С. 232 – 233.
2. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб. : Алетей, 2003.
3. Рубина Д. Я и ты под персиковыми облаками...: Рассказы. М. : Эксмо, 2008.
4. Утехин И. Очерки коммунального быта. М. : «О.Г.И.», 2001.
5. Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве : материалы науч. конф. М. : Сов. художник, 1986. Вып. XVII. С. 302–324.
6. Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6.

Д.Н. УСТИНКИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э. ДОМАНСКА «ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА» (М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.)

Эва Доманска, адъюнкт-профессор теории и истории историографии факультета истории университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша), специалист в области сравнительной теории социально-гуманитарного знания, в течение 1993 – 1994 гг. интервьюировала в очной и заочной форме десять таких известных историков и философов истории XX в., как Хеден Уайт, Ханс Кёллнер, Франклин Анкерсмит, Георг Иггерс, Ежи Топольски, Йорн Рюзен, Артур Данто, Лайонел Госмен, Питер Берк, Стивен Бенн, а также и саму себя. Очевидно, что книга, задуманная и осуществленная в таком формате, не может претендовать на какое-либо систематическое из-